

сомненно, значительное усиление иностранного влияния, преимущественно итальянского. И наконец, на быте византийцев, как аристократов, так и принадлежавших к демократическим кругам, лежал явный отпечаток общего обнищания империи. {584}

Заключение.

Основные черты культуры поздней Византии (XIII — первая половина XV в.)

Чем ближе надвигался трагический закат империи, тем ярче расцветала византийская культура, богаче и многообразнее становились формы ее проявления. Именно в этом противоречии и скрывается разгадка отмеченного феномена: низвержение вековых устоев, безысходность ситуации, безмерное унижение — все это до крайности обострило восприятие, накалило духовно-эмоциональную атмосферу жизни общества, побуждало его творческие силы к активной деятельности. История дала византийцам достаточный срок для осознания крутого перелома в многовековых судьбах империи. За два последних столетия она дважды потерпела крушение: первый раз — под натиском крестоносцев с Запада, чтобы через полвека снова возродиться, и второй раз — под ударами османов с Востока, чтобы исчезнуть навсегда. Дважды византийцы пережили не только огромные материальные потери и тяжкие жизненные бедствия, но и глубокое психологическое потрясение: вероломный удар 1204 г. впервые поставил ромеев перед проблемой пересмотра былых политических и духовно-нравственных ценностей. И как бы в последующем ни были велики успехи по собиранию сил и возрождению империи, тревога навсегда затаилась в душе ромея. В 50-е годы XIV в. усиливающееся беспокойство переросло в предчувствие неизбежной катастрофы. Смутная догадка сменилась уверенностью, что гибель можно лишь отсрочить, но ее нельзя избежать.

И тем не менее как в самой материальной, общественной и духовной деятельности людей, так и в сфере ее осмысления и отражения художественными средствами последние два столетия существования Византии отнюдь нельзя характеризовать как единую эпоху, внутри которой не было особых, вполне различимых периодов упадка, стабилизации и подъема. Как уже было отмечено во Введении, в истории Византии XIII—XIV вв. целесообразно выделить три различных этапа, а историю ее культуры рассматривать, сочетая региональный принцип с хронологическим: в первой части книги рассказано о культуре Трапезундской империи, Эпирского царства и Латинской Романии с начала и до конца их существования в качестве особых политических образований, а о культуре Никейской империи — до 1261 г., с которого в историографии принято говорить о восстановленной Византийской империи.

Обобщая в Заклучении материал, изложенный выше, мы оказываемся перед нелегкой проблемой — не нарушить хронологической последовательности и в то же время дать цельное представление о главных региональных особенностях культурного развития Трапезунда, Эпира и Латинской Романии, о которых — вплоть до XV столетия — говорится в первых главах, тогда как ниже (в каждой из глав второй части) рассказ начинается с 1261 г. (т. е. как бы возвращается вспять). Считаем возможным поэтому придерживаться следующего принципа: о явлениях в региональной культуре, находящихся в русле развития традиций общевизантийской культурной жизни, говорить в основном в связи с обобщением материала по Никейской империи и по второй части книги, где речь идет о культуре восстановленной Византийской империи. Основное же внимание при обозрении глав, посвященных Трапезунду, Эпиру и Латинской Романии, сосредоточить на особенностях их культурной жизни.

Наблюдения авторов 2—5-й глав не оставляют сомнений в том, что культура по крайней мере трех упомянутых регионов бывшей Византийской империи, сохранивших политическую независимость от латинян, оставалась в первые десятилетия после 1204 г. по существу византийской. В то же время ее нельзя полностью идентифицировать ни с прежней столичной (элитарной), ни с местной (провинциальной) культурой. Во-первых, с превращением указанных трех провинций империи, находившихся на разной ступени благосостояния и развития, в самостоятельные государства местные культурные силы получили мощную поддержку со сто-